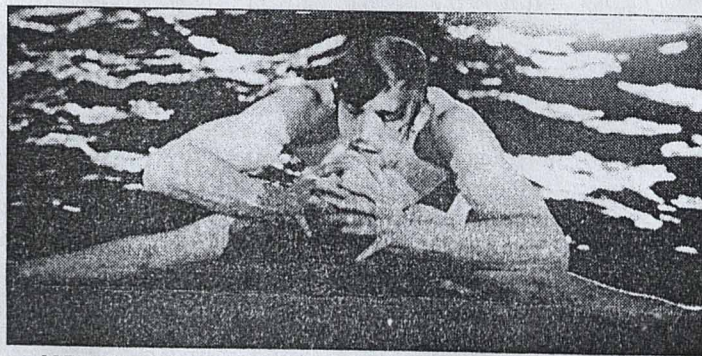

Два выстрела в цель и один — мимо

МДТ. Сглаживание конфликта между идеалом и судьбой

времен, накладные девичьи косы, салоны из кролика, дом — не дом, так, сарайчик вместо большого имения — это цветочки. Больше всего запомнилось, как выразительно смотрел земский врач Львов (Радек Голуб), честный до гротеска, с повадками классического Арбенина из «Маскарада».

Сытый Иванов, признаться, впечатлял меньше. Ни тени сомнения на лице, ни следа душевных мук, ни малейшей дрожи от нервных потрясений. Сознание Иванова было здорово, как у новорожденного младенца. То, что он от больной жены норовил каждый вечер уехать в гости и в результате оказался там буквально верхом на Сашеньке (в такой позе их и застала Сарра), объяснялось не гнетущим беспокойством Иванова, а гримом его жены. Из нее сделали такую Сарру, от которой сбежал бы и Квизинадо. Все предельно просто, и никаких вам проблем русской души. Отношения доктора с Саррой режиссер — Петр Лебл — подчеркнул, штрихами набросав им интрижку. Характер Иванова, наоборот, затенил. Застреливается тот в конце самым непонятным образом: все шло часа три с половиной, могло бы и дальше в том же духе. Да вот на тебе: главный герой прыг со сцены и пулю себе в лоб, а дальше — без пауз на по...

доктор Львов или граф Шабельский (Владимир Марек), их еще можно было бы понять. Но с чего это вдруг такой финт выкинул пражский Иванов, объяснить невозможно. Хоть в профнепригодности расписывайся.

Платонов. «Театр Польский»

На спектакле «Платонов. Пропущенный акт» известного польского режиссера Ежи Яроцкого сначала кажется, что Платонов из Wrocławского театра — лишь однофамилец чеховского персонажа. Яроцкий выбрал из пьесы лишь те места, в которых Платонов «подвергается атаке влюбленных в него женщин». Купюры определенной тематики стали объектом режиссерского внимания потому, что однажды Яроцкий уже ставил эту пьесу, но тогда линия судьбы Платонова дипломатично обогнула любовные углы его биографии и не столкнула интересы столичных женщин на одной сценической площадке. Со временем появилось желание сказать недосказанное. И Яроцкий снова возвращается к пьесе. Точнее, к пропущенному раннее акту.

К концу просто сбиваешься со счета: сколько их всего, добивающихся от Платонова взаимности? У Яроцкого действительно выстраивается настоящая атака — пятерых на

одного. В исполнении Мариуша Бонашевского это был Платонов из того рода мужчин, которые при кажущемся безволием обладают очень сильным внутренним стержнем. К ним тянутся, в основном женщины — за надеждами. Надежды они получают. Которые, впрочем, никогда не оправдываются. Дамы это подозревают, но все равно тянутся — чем недоступнее игрушка, тем она желаннее. А Платонову очень скоро все игры надоедают, и хочется только покоя и семейного счастья. Жаль лишь бессознательное подводит: имена в голове пугаются. Ежи Яроцкий вслед за Никитой Михалковым чуть было не подарил миру второго Платонова, узнавшего смысл жизни. Но вовремя себя одернул. В самый ответственный момент, когда, полуголенькая, на руках у Платонова лежит самое желанное существо для него — жена Сашенька, он называет ее не тем именем. Ошибка, которую не прощают. Прямо по Вишневному: а счастье было так возможно, и так возможно и вот так...

МДТ. Пьеса без названия

Даже если на Третий чеховский приехал бы один Лев Додин с «Пьесой без названия» своего Санкт-Петербургского Малого драматического, международного фестиваля состоялся бы. От спектакля получаешь такой мощный энергетический, эмоциональный и эстетический заряд, что его хватит до следующего театрального сезона.

Почему Платонов? Потому что «Платонов болит у всех. Кроме тех, у кого ничего не болит», — пишет в программке Додин. Почему «Пьеса без названия»? Потому что это жизнь: «Жизнь — это тоже пьеса без названия». Почему именно теперь — «не сделаешь сейчас, не сделаешь никогда. К тому же набралась та компания, которая может не просто сыграть, а прожить. Я убежден, что в театре звезд сыграть Чехова невозможно, а мы все из одной че-

ховской яйцеклетки выросли»...

Пронзительный, пробирающий до костей Чехов — это додинская пьеса без названия, та чеховская жизнь, которую к концу XX века и не мечтали увидеть. По-западному выстроенное зрелище с оркестром, иллюминацией, огоньками на воде и завораживающим фейерверком — это та же жизнь, та же пьеса Додина, которая не отпускает ни на минуту. И сопровождается то надрыками души, то трюковыми прыжками в воду, то ритмами Пьяццо-

Проникновенное прочтение Чехова «Театром Польским»

лы... Экспортный прием. Но эклектика русского и западного театра не вызывающая. О ней вскоре забываешь, наблюдая, как всплески воды сглаживают вечный разрыв между идеалом и судьбой и как терзает человека этот конфликт на суше.

Вода была выбрана средой обитания чеховских персонажей не случайно. И бассейн возведен на сцене не с целью пооригинальничать. В воде родилась жизнь, в воде у Платонова она и закончилась. Недолгасканные на земле, люди находят успокоение в стихии, помогающей при поцелуях и противящейся насилию. Попробуйте, например, податься, стоя по горло в воде. У Додина в воде любят и соблазняют. Тупат в ней обиды и оскорбления, но больше — любят.

А любят Платонова по Додину (и первоисточнику) четверо. Во-первых, жена — Саша (Мария Никифо-

рова) — по-домашнему надежна. Далее — Софи (Ирина Тычинина) — безрассудно заявляющая любовь в спасение, которое оборачивается гибелью. Генеральша Анна Петровна (всегда блистательная Татьяна Шестакова) устраивает душевный стриптиз и добивается Платонова для полного набора молодой вдовы с маниакальной настойчивостью коллекционера, готового все полжизни, чтобы поиметь приглянувшуюся вещицу. Последняя в списке девица Грекова, натянутая, как струна, любит с экзальтацией. Все вместе — с отчаянием. Четыре типичных женщин, четыре природы любви. «до сих пор не верю, что Чехов так написал в восемнадцать лет, — признался Лев Додин. — Хотя только восемнадцать и можно что-то сказать про женщин. Потом частные наблюдения забывают общий взгляд».

Что же Платонов (Сергей Курьшев — один из несомненных лидеров мужской части додинской труппы и любимый актер питерских критиков)? Тулая боль обнаженной нерва во плоти Давида. Ворит, что идеалы существуют, но силам сделать хоть шаг в их сторону не обладает. Знает, что поражение страшной болезнью — тоской по чистому, лучшему, но спасителе не признает. Да и какие это спасители — так, помучают и сами зарежутся. В слова «Еду к новой жизни завтра я — страсть какой новый человек» вкладывается столько сарказма, что понимаешь: так ерничать может только безнадежно больной. Его под конец просто трясет от женщин, а тех, в свою очередь, кслотит от Платонова — болезнью-то одна и та же, хоть и формы разные. Самая простая — слезы Грековой: она вообще, можно сказать, отдалась легким испугом. Самая тяжелая — истерика на полу до припадка — у Софи. Ужасающая сцена. Мучительный разлад с действительностью.

Принцип диффузии молекул доброго и злого к финалу не срабатывает. Слишком много оказывается в одном бассейне пораженных Платоновым. А он попадает в ловушку расставленные любовные сети. Только уже мертвым. Праздничного фейерверка из второго акта не будет. Вместо него идет проливной дождь, отгораживающий стеной бездну актеров от зрителей, будто обеззараживая пространство. Дождь смывает кровь и грязь, отпечатки преступления и миражных следов неуловимого счастья. Как очищение от одних пустых мечтаний для новых — столь же бесплодных...